

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 10

**Материалы IV Нижневолжской международной
археологической конференции
(18–21 октября 2013 года)**

Саратов, 2013

*Балабанова М.А., Скрипкин А.С., Клепиков В.М.,
Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В.*

**ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ
САРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(половозрастной аспект)***

Важнейшим этапом в методике социальных реконструкций по материалам погребальных комплексов является изучение показателей обряда, вариативность которых связана с определенным полом и возрастом умерших. Известно, что в древних и средневековых обществах, в том числе и в социумах кочевников, роль, положение и функции мужчин, женщин и детей серьезным образом различались. Наиболее очевидной является трудовая специализация: мужчины занимались военным делом, женщины вели хозяйство, воспитывали детей, а дети по мере их взросления и приобретения навыков включались как в хозяйственную деятельность, так и участвовали в военных событиях. Различным могло быть положение людей преклонного возраста, с одной стороны, обладавших значительным жизненным опытом и знаниями, с другой – доля их участия в хозяйственной деятельности была минимальной. Изучение обозначенных показателей для конкретного социума представляет большой интерес. Кроме того, подобная работа является базой для дальнейшего исследования, направленного на выделение показателей обряда, обусловленных уже не половозрастными характеристиками умерших, а их социальным статусом.

Сейчас уже накоплен значительный опыт в проведении подобных исследований, в том числе и по культурам ранних кочевников, перспективность которых не вызывает сомнений [Дашковский, 2003; Серегин, 2010; 2012; Матвеева, 1999; Матвеева, Буслова, 1988; Бунатян, 1985; Ольховский, 1995 и др.]

Несмотря на многочисленные фундаментальные исследования как в целом по сарматским культурам, так в отдельности по локальным группам, проблема соотношения погребального обряда с определенным полом и возрастной когортой проводится впервые. Кроме социальной реконструкции, результаты такого исследования помогут решать вопросы, связанные с хозяй-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-00212а.

ственной спецификой и образом жизни сарматов, выявить различия, существующие в культурно-хронологических сарматских периодах. Этот путь достаточно длителен и дает весьма приблизительные результаты. Тем не менее, комплексный подход к проблеме с привлечением данных половозрастных и антропологических структур, а также патологического состояния костей скелета могут помочь в решении выше обозначенной проблемы.

Для изучения половозрастного аспекта погребального обряда и выявления половозрастных и антропологических структур привлекался материал из могильников с достаточно репрезентативной выборкой.

Раннесарматская погребальная обрядность. Статистической обработке подверглась серия, насчитывающая 329 погребальных комплексов. Большая часть раннесарматских курганов (82%) введена в более ранние курганы, эпохи бронзы. Курганы представляют семейно-родовые (клановые) кладбища, в которых размещается более 3-х погребений (82,0%), курганы под индивидуальными насыпями встречаются редко – 5,0%. Несколько чаще встречаются курганы с двумя синхронными погребениями (12,0%). Около 30,0% могил локализованы в центральной части кургана остальные введены в периферию кургана вокруг центральной могилы. Преобладают подбойные и прямоугольные могилы, в которых погребенные лежат вытянуто на спине с ориентацией головы в южный сектор (78,0%).

Напутственная пища традиционно представлена мясом овцы (94,0%). Обычно выкладывалась передняя нога с лопаткой (56%), либо передняя нога без лопатки (27%), сюда же можно добавить переднюю ногу с лопаткой и ребрами (3%) и переднюю ногу с ребрами, без лопатки (6%). Все выше перечисленные признаки встречаются независимо от пола и возраста.

Анализ погребений по полу и возрасту позволяют выделить «мужскую», «женскую» и «детскую» субкультуры, на основе вещевого материала. Так, мужские погребения характеризуются следующим набором признаков. Из ритуальных веществ преобладает желтый и белый цвет. Жертвенная пища и предметы вооружения встречались в половине мужских захоронений (57,0%). В 20,0% случаях в мужских погребениях были найдены зеркала. Довольно часто рядом с жертвенной пищей встречаются ножи.

Анализ возрастной стратификации у мужчин показал следующее распределение. В центральной части кургана, то есть почетное место отведено могилам мужчин молодого и зрелого возраста, могилы мужчин старческого возраста размещались на периферии, что демонстрирует их низкий статус, так как с возрастом они утратили наиболее ценные качества, характеризующие воинов и работников.

Интересно распределение и жертвенной пищи. В могилах молодых и зрелых мужчин наблюдается предпочтение положения в ногах и/или в головах, а в могилах мужчин старческого возраста чаще остатки мяса лежат слева от погребенного. Оружие сопровождает в первую очередь молодых людей (67%), что вероятно следует связать с их наибольшей боевой активностью. Среди остального вещевого комплекса нет каких-либо возрастных предпочтений.

Характерной особенностью для женских погребений является отсутствие основных погребений вне зависимости от возраста. Все женщины, найденные в основных погребениях, находились в парном или коллективном захоронении

вместе с мужчиной. В женских погребениях цветовое сопровождение следующее: белый цвет (мел) – 23%; красный цвет (реальгар – 16%; румяна – 3%); желтый цвет (сера или ярозит) – 6%; черный цвет (уголь) – 3%. Сочетания нескольких цветов встречается в половине женских погребений (49%).

Как и у мужчин, более половины женских могил содержат напутственную пищу и с такой же частотой встречается передняя нога с лопаткой или без нее.

Оружие в погребениях обычно и не считается женским сопутствующим инвентарем, тем не менее, его типы встречается в 10,0% случаев. Это колчаны со стрелами иногда в сочетании с коротким мечом. Данный набор встречается в погребениях молодых женщин. Участие молодых женщин в боевых операциях подтверждается данными археологии и античных источников [Климент Александрийский. Ковры. IV, 8, 62; Помпоний Мела. I, 3, 114; Стрижак, 2007; Богаченко, Максименко, 2008; Берсенева, 2011].

Зеркала и керамика, хотя и встречаются в женских погребениях довольно часто, но не являются специфически женскими вещами. К категории чисто женских вещей можно отнести: глиняные пряслица, ножи, бусы, причем почти всегда целой россыпью, то есть, ожерельями и богатой обшивкой края одежды, серьги или височные подвески выглядят исключительно деталью женского костюма.

При явном следовании стандарту в выборе части туши овцы можно отметить одну деталь – положение женщинам зрелого возраста задней ноги с тазовой костью, чего не было в мужских погребениях.

Что касается детских захоронений, то они бедны инвентарем, и чуть более половины детей были погребены в коллективных могилах. Более низкий статус детей, скорее всего, маркирует и такой признак как низкая частота встречаемости в могилах жертвенной пищи, оружия, ножей и т. д.

Среднесарматская погребальная обрядность. Всего изучено 126 погребальных комплексов. Для среднесарматской погребальной обрядности характерны как курганы-кладбища с впускными захоронениями, так и индивидуальные насыпи. Причем первое характерно для могильников Заволжья, где сохраняются раннесарматские традиции, а второе для Волго-Донского междуречья, где преобладают индивидуальные насыпи. Почти половина погребений сооружена в прямоугольных могилах. Как и у предшествующего населения преобладает ориентировка головы погребенных в южный сектор. Около 90,0% погребений содержат напутственную пищу в виде ноги барана с лопаткой. В большинстве случаев кости овцы располагались в ногах (50%), в головах (18,3%), справа от костяка (15,9%), слева (8,7%), во входной яме (4,4%).

Из вещевого материала преобладает керамика, изготовленная на гончарном круге. Оружие в погребениях встречается в 30,0% случаев. Расположение его следующее: короткие мечи в большинстве своем находились справа у бедра (34 случая). При совместных находках длинных и коротких мечей, длинные мечи располагались слева от погребенного, короткие – справа. Наконечники стрел часто представляют значительные колчаные наборы. Одной из часто встречаемых категорий находок в сарматских погребениях всех периодов являются бронзовые зеркала. Из украшений обнаружены бусы, являющиеся составной частью ожерелий или браслетов. В группе «орудия труда» с наиболь-

шей частотой встречаются железные ножи, далее пряслища, оселки и т. д. Находки, относимые к группе «предметы ритуального назначения», по их видам не многочисленны. Это костяные ложечки, каменные плиты; камни, гальки; алебастровые сосудики; глиняные курительницы, раковины. Из предметов портупейного набора встречались исключительно железные пряжки.

Таким образом, многие ведущие обрядовые нормы, за исключением некоторых вариаций, являются общими для обоих полов и возрастных групп (соотношение впускных и основных погребений, конструкция могильных ям, положение и ориентировка погребенных, наличие жертвенной пищи, типов керамической посуды, бронзовых зеркал, железных ножей).

Различия по полу в основном фиксируются по отдельным категориям вещевого материала. Для мужских погребений типичным является наличие оружия, для женских – украшений (в основном бусы) и пряслищ. Следует отметить и такой момент. Диагональные погребения, известные в трех возрастных группах (18–20; 20–35; 35–45 лет) принадлежали исключительно женщинам, а в заключительной возрастной группе (старше 45 лет) только мужчинам.

Для социально престижных погребений среднесарматской культуры характерно наличие бронзовых котлов, золотых украшений. В качестве напутственной пищи части крупного рогатого скота и лошади.

Позднесарматская погребальная обрядность. Выборка составила 459 погребальных комплексов. Так как детей под позднесарматскими курганами мало, то анализировались погребальные сооружения взрослых людей. В результате было выяснено, что в традиции сооружения погребения много общего как в разных возрастных группах, так и в разнополых. К универсальным признакам можно отнести то, что ведущим типом ям являются подбойные конструкции, что характерно для позднесарматской культуры на всей территории ее распространения. Практически во всех когортах, кроме группы пожилых женщин, преобладает северная ориентировка погребенных. На начальном этапе позднесарматской культуры, во второй половине II в. н. э. в южной части Волго-Донского междуречья преобладает южная ориентировка погребенных. В Заволжье в синхронных погребениях ведущей является северная ориентировка. Искусственная деформация черепа отмечается у погребенных всех половозрастных групп, и ее показатель варьирует от 52 до 83% в различных группах. Наибольший процент отмечен в группе пожилых женщин. В женской выборке деформация вообще встречается чаще, чем в мужской. Не стоит забывать, что позднесарматская культура Нижнего Поволжья включила в себя довольно много черт предшествующей среднесарматской культуры. На раннем этапе в середине – второй половине II в. н. э., особенно в междуречье Волги и Дона фиксируется очень много обрядовых норм, характерных для среднесарматской культуры, при наличии и позднесарматских традиций. Смешение традиций наблюдается в синхронных погребениях одного могильника, и даже в одном и том же погребении. Эта специфика, тем не менее, не сильно влияет на показатели для общей выборки позднесарматских памятников, что может свидетельствовать об отсутствии значимых различий в половозрастных группах погребенных. Однако различия в погребальных традициях все же есть и касаются они в первую очередь сопровождающего инвентаря в различных по половому признаку погребениях.

Так для мужских погребений характерны в подавляющем большинстве случаев находки элементов вооружения – 92% от всех погребений с оружием принадлежат мужчинам. Находки желтого минерала, идентифицированного как ярозит или сера в 90% случаев происходят из мужских погребений. Кремневые отщепы также являются атрибутом мужских погребений.

Для женских захоронений также выделился определенный набор инвентаря. Так в 77% находок ножицы сопровождали женщин, из них у 70% зафиксирована деформация черепа. Ножицы в массовом количестве начинают распространяться у сарматов именно с середины II в. н. э. Другой деталью только женских погребений являются костяные, бронзовые и серебряные трубочки, которые, вероятно, были игольниками. Зеркала также являются массовым материалом – 90% случаев. У 74% женщин, в могилах которых обнаружены зеркала, имели искусственную деформацию черепа. Атрибутом женских погребений являются и раковины. В большинстве случаев – 75%, они найдены в погребениях молодых и зрелых женщин. Такое украшение как фибулы в 62% встречены в женских могилах. Другой массовой вещевой категорией в женских могилах являются бусы (72%). Интересны находки в погребениях металлических колокольчиков или маленьких бубенчиков. Они встречены лишь в трех случаях, но все в женских погребениях.

Сакральным атрибутом в могиле можно считать курильницы. Их находки распределяются примерно поровну между мужскими и женскими погребениями, но с учетом количественного превосходства мужских захоронений, частота встречаемости курильниц в женских могилах выше.

Половозрастная структура сарматского общества и некоторые показатели демографии. Для реконструкции половозрастной структуры и проведения демографического анализа использовались серии:

раннесарматского времени – 323 костяка; среднесарматского времени – 233 костяка; позднесарматского времени – 568 костяков.

Результаты демографического анализа позволяют говорить о резком отличии раннесарматского, среднесарматского и позднесарматского населения.

Половозрастная структура раннесарматских групп в той или иной степени соответствует критериям палеопопуляции и ее можно связать с реально существующими кочевыми группами, оставившими исследуемые могильники. Во-первых, это показатель половой структуры – соотношение по полу – составляет 0,96. То есть доля мужчин и женщин почти одинакова, но в сериях из отдельно взятых раннесарматских могильников различается. Соотношение близкое к норме в двух могильниках: Авиловский-II (0,9) и Первомайский (1,15); небольшое преобладание мужчин над женщинами наблюдается в могильниках Калиновка (1,45), Старица (1,2) и Перегрузное-I (1,4); и в двух могильниках значительное преобладание женщин над мужчинами, это могильники Бережновка (0,3) и Аксай (0,7). Такое распределение мужских и женских захоронений в различных могильниках отражает специфику сооружения кургана-кладбища. Известно, что одни раннесарматские курганы содержат преимущественно женские захоронения, а другие – мужские.

Во-вторых, уровень детской смертности в раннесарматском обществе был высоким – 33,8%. Причем, дети от новорожденности до 5 лет составляют около 46,0% от общего количества детей; дети 5–9 лет – около 34,0% и подро-

стки 10–14 лет – около 20,0%. Процент детских захоронений достаточно высок и во всех выборках из отдельно взятых могильников, более 20,0%. Очень высока доля детей в двух могильниках Калиновка и Перегрузное-I, около половины (47,6%). Большая часть детей во всех могильниках была погребена в коллективных и парных могилах. Как и в суммарной серии, пик детской смертности приходится на первый год жизни.

В-третьих, связи с высоким показателем смертности детей, средний возраст смерти с их учетом составляет 26,4 лет, а возраст взрослого населения – 36,7 лет. Как правило, в могильниках, где доля детей больше, средний возраст смерти ниже. Так, в двух могильниках (Калиновка и Перегрузное), где дети составляют около 50,0%, средний возраст смерти 24,8 и 22,2 лет, в остальных – выше, от 27,2 лет в могильнике Авиловском до 39,5 лет в могильнике Аксай.

Показатель половой структуры среднесарматского общества свидетельствует о преобладании мужской части населения над женской (1,3). Распределение мужских и женских погребений в могильниках сильно различается. Есть могильники, в которых мужская часть значительно преобладает над женской (Авиловский-II – 3,0; Бережновка – 1,7; Перегрузное-I – 1,6; Аксай – 1,25). В Калиновском могильнике наблюдается обратная ситуация, значительное преобладание женщин над мужчинами – 0,56. В двух могильниках соотношение по полу близко к норме, это могильники Старица и Первомайский, 1,0 и 0,9. Видимо, такое распределение женских и мужских захоронений в могильнике, с одной стороны связано с компонентом предшествующего раннесарматского могильника, а с другой – с новыми традициями.

Частота встречаемости детских захоронений в могильниках среднесарматского времени также отличается от показателя по раннесарматскому времени, он в два раза ниже и составляет 16,7%. Самая высокая смертность приходится на первые пять лет жизни – 66,7%; в когорте 5–9 лет умирало 23,2% детей, а в возрасте 10–14 лет только 10,1% детей.

Распределение детских захоронений по могильникам следующее. Высокая доля детских захоронений, как показатель высокой детской смертности, встречается в могильниках, где прослеживается преемственность с раннесарматским населением (Первомайский – 32,4%; и Старица – 52,0%). В других сериях этот показатель ниже (Бережновка – 16,4; Перегрузное-I – 13,3%; Аксай-10,0%; Калиновка – 7,4%). В Авиловском могильнике не было обнаружено детских захоронений этого времени.

Средний возраст смерти взрослого населения в целом по группе ниже, чем по раннесарматской группе и составляет 36 лет, а с учетом детей чуть больше 31 года. Средний возраст смерти мужской части и женской в целом по группе мало, чем отличается от раннесарматской.

В отдельных могильниках показатель среднего возраста смерти с учетом детей зависит от их доли, возраст ниже там, где доля детей высокая и выше где она низкая. Самый низкий возраст дожития с учетом детей дают материалы могильника Старица – 22,4 года, где детей более половины. В остальных могильниках средний возраст около 30 и более лет. Средний возраст смерти взрослого населения в трех могильниках около 40 и более лет (Калиновка, Старица, Первомайский) в остальных в пределах 30–35 лет.

Результаты анализа половозрастных особенностей населения позднесарматского времени дают деформацию многих показателей. Так, для этого времени характерно значительное преобладание мужчин над женщинами, соотношение по полу – 2,2. Преобладание мужских захоронений над женскими зафиксировано в сериях при делении по признаку наличие/отсутствие искусственной деформации черепа и в сериях из отдельно взятых могильников. Только в двух могильниках (Бережновка и Кермен Толга) соотношение по полу близко норме – 1,1, в остальных двукратное и более преобладание мужчин над женщинами.

Трудно определить и другой демографический показатель – детскую смертность. Под позднесарматскими курганами очень мало детей, и, конечно, количество их не отражает истинную картину детской смертности. Частота встречаемости детских захоронений в целом по серии составляет около 3,0%. В сериях из отдельно взятых могильников доля детских захоронений от 6,0% до полного их отсутствия. В связи с выше приведенными нарушениями невозможно определить детскую смертность у позднесарматского населения [Балабанова, 2009; Батиева, 2011; Яблонский, 2008].

Средний возраст смерти в целом по позднесарматской выборке – высокий более 40 лет [Балабанова, 2000а, 2009а,б; Яблонский, 2008 и др.]. Высокие показатели среднего возраста смерти дают и хронологические группы, и группы, сформированные по наличию или отсутствию деформации, около 40 лет.

Таким образом, только половозрастная структура раннесарматских групп в той или иной степени соответствует критериям палеопопуляции и ее можно связать с реально существующими. Среднесарматская и позднесарматская группы, по-видимому, представлены в подкурганных выборках не полностью. Отсутствует значительное количество детей и женщин в среднесарматской и особенно в позднесарматской группах, в которых, возможно, использовали иные погребальные традиции.

Антропологическая структура сарматских групп. В данной части работы определяется антропологический облик мужской и женской частей раннесарматского, среднесарматского и позднесарматского населения на основе краниологического анализа. Статистическому анализу подвергались краниологические выборки насчитывающие:

- раннесарматское время – 371 черепов (мужских – 200, женских – 171);
- среднесарматское время – 296 черепов (мужских – 180, женских – 116);
- позднесарматское время – 456 черепов: мужских – 319 (214 со следами деформации и 105 без деформации); женских – 137 (107 со следами деформации и 30 без деформации).

В результате исследования выяснилось, что разнополые раннесарматские выборки характеризуются сходным морфологическим типом и являются носителями типа широкоголовых европеоидов с небольшим уплощением на верхнем уровне. Внутригрупповая структура складывается тоже из одних и тех же компонентов. Межгрупповые сопоставления позволяют высказаться в пользу единой генетической базы, на основе которой формировалось население.

Антропологический облик разнополых групп среднесарматского населения уже различается. Если для женской части характерно наследование раннесарматских черт, то для мужской наблюдаются изменения краниологи-

ческого типа в сторону накопления длинноголового типа до мезокранности в сочетании с ослабленной горизонтальной профилировкой лица на обоих уровнях. В южной части Волго-Донского междуречья у мужского населения уплощение лицевого скелета на обоих уровнях гармонирует с умеренным углом выступления носа.

Таким образом, изменение морфологического облика мужской части населения в среднесарматское время позволяет предположить, что он сформировался на основе мужских миграций, в облике которых преобладал длинноголовый тип и субстратных групп раннесарматского облика. Гипотеза мужских миграций подкрепляется тем, что женский тип сохраняет специфику предшествующего населения.

Позднесарматское население как мужское, так и женское, практиковавшее обычай преднамеренной деформации головы, резко отличается от своих предшественников и характеризуется типом длинноголовых европеоидов. Несмотря на это, тип предшествующего субстратного населения сохраняется среди той части женщин, которые не практиковали обычай деформации.

Сравнительный анализ краниологических сарматских серий позволяет предположить, что культурные и антропологические изменения в сарматской среде протекали за счет, в основном, мужских миграций. Субстратный тип широкоголовых европеоидов, характеризующий облик раннесарматского населения в позднесарматское время сохраняется, как отдельный компонент, только в некоторых районах (Заволжье и Калмыкия).

Патология сарматских групп. Источником исследования для написания данной части работы послужили костные останки от 436 индивидов. По культурно-хронологическим группам материал распределялся следующим образом:

- раннесарматское время: 175 костяков (82 – мужских, 64 – женских и 29 – детских);
- среднесарматское время: 113 костяков (62 – мужских, 46 – женских и 5 – детских);
- позднесарматское время: 148 костяков (112 – мужских, 35 – женских и 1 – детский).

Раннесарматское население характеризуется следующим патологическим состоянием. И для мужчин и для женщин были зафиксированы высокие частоты встречаемости одних и тех же аномалий на черепе и зубной системы, что указывает на высокую вероятность близкородственных связей. Полученные данные относительно гормональных нарушений в организме у ранних сарматов могут свидетельствовать о том, что часть мужчин отличалась тучностью. Распространение эндокринных нарушений у сарматского населения Нижнего Поволжья могут носить наследственный и пищевой характер, а также являться следствием воздействия негативных факторов окружающей среды, способствующих запуску генетически запрограммированных признаков. Основой диеты сарматов, как и большинства кочевников, являлись мясные и молочные продукты, богатые белком. Дополнительным доказательством данного факта являются полученные сведения по распространению признаков анемий и инфекционных заболеваний. В раннесарматской среде они могли быть результатом несбалансированного пи-

тания и употребления в пищу плохо обработанных продуктов, сырого мяса и крови животных.

Распределение комплекса заболеваний в разнополых группах следующее. Мужская часть населения в первую очередь была подвержена травмам боевого и бытового характера. Длительное времяпровождение на открытом воздухе, сидя в седле при выполнении производственных функций приводило к результатам механического и холодового стрессов, поражающие кости свода черепа, позвоночный столб, суставы верхних и нижних конечностей. Кроме этого у мужчин наблюдается некоторое увеличение показателей встречаемости воспалительных процессов.

Патологическое состояние у женской части раннесарматского населения носит иной характер. Это, прежде всего, поражения, связанные маркерами физиологического стресса, признаки железодефицитной анемии и инфекций. Тяжелый физический труд также оставил отпечаток на костях скелета женщин и проявляется в признаках дегенеративных изменений суставов и позвоночника.

Патологический анализ детского населения показал, что у него наблюдаются самые высокие частоты встречаемости поротического гиперостоза глазниц и свода черепа, признаки воспалительных процессов и пороза на черепе и костях посткраниального скелета. Такое состояние указывает на то, что для детских сарматских групп характерны заболевания, связанные с недостатком микроэлементов в организме, например, такие как цинга и железодефицитная анемия. Причины появления данных заболеваний в кочевых культурах могут быть следствием распространения паразитарных инвазий и регулярных сезонных голодовок (зимы-бескормицы).

Патология среднесарматского населения. Анализ генетических признаков позволяет сказать о значительной неоднородности среднесарматского населения, за редким исключением. Высокие частоты встречаемости зубочелюстных заболеваний указывают, что диета средних сарматов мало чем отличалась от сарматов раннего периода. Тем не менее, стоит отметить значительное снижение встречаемости кариеса и эмалевой гипоплазии, низкий процент воспалительных процессов и встречаемости поротического гиперостоза, что связано с установлением благоприятной адаптивной ситуации в группе. По сравнению с их предшественниками происходит снижение показателей встречаемости специфических заболеваний, основным бичом, как в принципе, и для большинства кочевников, являлись паразитарные заболевания.

Мужская часть характеризуется, как и в предшествующее время, высоким уровнем механического стресса, проявление которого с возрастом усиливается. Распространение артрозов, болезней позвоночника, поражения локтевого, лучезапястного, крестцово-подвздошного и тазобедренного суставов указывает на присутствие механического стресса, связанного с верховой ездой.

На женских костях, как и у ранних сарматов, фиксируются маркеры физиологического стресса, признаки железодефицитной анемии, а также индикаторы эндокринных заболеваний. На женских костях, хотя и реже, чем у мужчин, фиксируются показатели признаков воздействия на организм низких температур.

В небольшой детской серии из патологий следует отметить минерализованные отложения на зубах, зафиксированы признаки, указывающие на существование систематических периодов голодания – эмалевая гипоплазия (40%), следы воспалительных процессов, пороз, поротический гиперостоз подтверждают предположение о воздействии на выборку детей среднесарматского времени негативных факторов среды.

У позднесарматского населения также распространены различного рода зубные патологии, маркеры пищевого и эпизодического стресса, свидетельства частых и длительных периодов острого голодания. Диета кочевников II–IV вв. н. э. мало чем отличалась от особенности питания других сарматских групп. Термически плохо обработанная пища, постоянное недоедание и другие причины приводили к различным заболеваниям зубочелюстной системы, а также могли являться катализатором распространения различного рода инвазийных инфекций.

Наблюдаются перекосы по полу в распределении маркеров физиологического стресса. У мужчин частота встречаемости гораздо выше, что, возможно, свидетельствует о формировании культуры и населения за счет мужских миграций. Высокий процент травматических повреждений и травматических артритов у поздних сарматов является одной из ярких особенностей представителей данной культуры. Зафиксированная половая направленность в распределении травм свидетельствует о четкой профессиональной дифференциации в обществе. Большая часть мужчин, вероятно, являлись потомственными, хорошо обученными воинами-всадниками. Изучение костей посткраниального скелета мужской части населения также позволяет выявить ряд особенностей – сильно развитый мышечный рельеф, дегенеративно-дистрофические изменения в виде артрозов на основных суставах, в особенности верхних конечностей, болезни позвоночника – спондилоартроз и остеохондроз, деформирующий артроз суставов позвоночника шейного и поясничного отдела. Все эти признаки вполне могут считаться яркими индикаторами механического стресса, связанного с верховой ездой.

Женская часть позднесарматского населения по распространенности и характеру заболеваний мало, чем отличается от предшествующих групп.

Общее и особенное в погребальной обрядности сарматских культур. Результаты всех выше приведенных анализов позволяют реконструировать ритуал и обряд сарматских племен. При этом выделяются общие черты, характеризующие погребальную обрядность всех периодов и особенные, свойственные конкретным культурно-хронологическим группам.

Погребальный ритуал, обуславливающий определенный тип захоронения, вещевой комплекс и его расположение в могиле, способы сохранения тела, виды тризны и многое другое, связаны не только с общемифологическими представлениями и племенными обрядами, но и с родовыми обычаями, половозрастным и социальным положением и даже с местом и способом смерти человека.

Формирование погребальной обрядности всех трех сарматских археологических культур в целом близко. Объединяемая общим уровнем ментальности, сформированной в условиях классического кочевого хозяйства, она не могла не отразиться на общих принципах мифотворчества, определяющих, в

том числе, и все виды обрядности. Что сказалося, в том числе, и на выделении половозрастных групп в сарматских культурах, имеющих специфические права и обязанности, отраженные, в том числе и в погребальном ритуале.

В тоже время погребальная обрядность трех сарматских культур имеет серьезные различия, как в общекультурной обрядности, так и в погребальных ритуалах различных половозрастных групп. При этом стоит отметить, что каждая культура не только имеет свои специфические черты погребальных ритуалов, собственно и определяющих ее в рамках одной из трех сарматских культур, но они различны и по принципам основания погребального обряда. Это отражается не только на основополагающих принципах погребальной ритуальности, например, определения пространства кургана как «общесемейного склепа» или индивидуального «дома», или места и роли поминальной тризны, но и в специфике погребальных обрядов различных половозрастных групп. В первую очередь это было связано с прижизненным статусом погребенного, определяемого его принадлежностью к той или иной половой или возрастной когорте. Существенные различия по погребальному обряду наблюдаются в половозрастном составе погребенных каждой из культур.

Так, например, в группе раннесарматского времени соотношение мужчин, женщин и детей в целом сопоставимо, в то время, как уже в среднесарматское время наблюдается демографический перекося, усилившийся в позднесарматский период, когда подавляющее большинство погребений были мужскими, при практически полном отсутствии детских погребений. Другим интересным фактом является высокий возраст дожития, что вряд ли отражает реальную демографическую картину, а может свидетельствовать лишь об особенностях погребального обряда позднесарматского населения, при котором под курганами хоронили не всех членов общества. Вполне возможно, что для отдельных групп, в том числе и половозрастных, существовали другие места погребения.

Различно положение и отдельных возрастных групп в каждой культуре, и если в раннесарматской погребальной обрядности «почетное место» отводится молодым, то уже в позднесарматский период можно, вероятно, говорить о более высоком статусе стариков.

Есть своя специфика и в наборе погребального инвентаря, маркирующая не только трудовую деятельность, присущую каждой из половозрастных групп, но и формируемая определенными ритуально-магическими действиями.

Таким образом, рассмотренные данные позволяют сделать вывод об определенном социальном приоритете мужчин возмужалого и зрелого возраста в социуме кочевников. Достаточно высокую роль в обществе занимали женщины 20–35-летнего возраста. Существенно ограниченной социальной значимостью обладали дети младшего и старшего возраста, а также подростки до того момента пока успешно не проходили обряд инициаций и не становились полноправными членами коллектива. Реальное место номада в половозрастной структуре обусловлено его личными физико-генетическими данными, а также особенностями социокультурного развития общества в целом.

Литература:

Балабанова М.А. Хронологические особенности половозрастной структуры сарматских групп Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2009. № 1 (15).

Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону, 2011.

Берсенева Н.А. Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14).

Богаченко Т.В., Максименко В.Е. Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железного века на Дону (методологические аспекты проблемы изучения) // НАВ. Волгоград, 2008. Вып. 9.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии: На материале скифских могильников IV–III вв. до н. э. Киев, 1985.

Дашковский П.К. Половозрастная структура кочевников Горного Алтая пазырыкского времени // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. № 3.

Матвеева Н.П. Половозрастная структура населения лесостепного Приобья эпохи раннего железа (по археологическим данным) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2.

Матвеева Н.П., Буслова М.А. О половозрастной дифференциации общества саргатской культуры (по материалам Среднего Притоболья) // Социально-экономические проблемы древней истории Сибири. Тобольск, 1988.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2.

Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17).

Серегин Н.Н. Половозрастная дифференциация в погребальном обряде населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2010. № 3.

Стрижак М.С. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV вв. до н. э. // Вооружение сарматов: Региональная типология и хронология. Челябинск, 2007.

Яблонский Л.Т. Палеоантропологические материалы из погребений позднесарматского времени // Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. М., 2008.